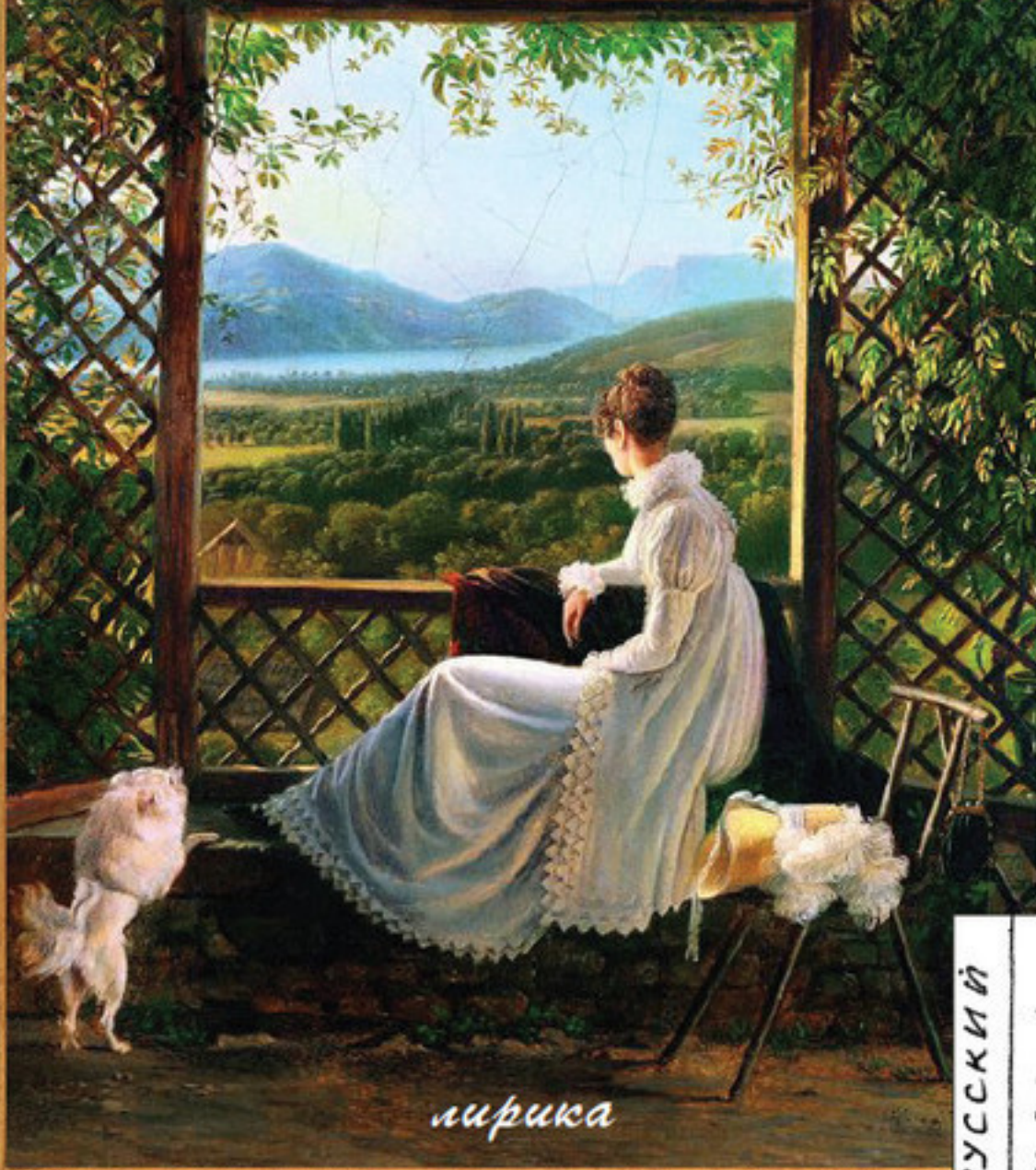

Александр Радашкевич

Земные праздники

лирика

РУССКИЙ

ГУЛЛИВЕР

Александр Радашкевич

Земные праздники

НП «Центр современной литературы»

Радашкевич А.

Земные праздники / А. Радашкевич — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-104-1

«Земные праздники» — пятый поэтический сборник (и восьмая книга) поэта, прозаика, переводчика, эссеиста Александра Радашкевича. Автор следует своему индивидуальному стилю «интуитивного верлибра» и еще раз подтверждает существование в литературе элитарного явления, которое давно и по праву названо «стилем Радашкевича». В то же время, сохраняя безупречность и изысканность настоящей русской словесности, вносит в свое творчество новые интонации зрелого мастера — горький, непоколебимый и строгий взгляд поэта, прошедшего, говоря словами Георгия Иванова, пути «бессмыслицы земного испытания», но все же не ставшего «новым Вертером».

ISBN 978-5-91627-104-1

© Радашкевич А.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Сказка жизни	8
Волошину	8
Элегия холмов	10
Сказка жизни	11
Пустынник	12
Гравюры Колокольцева 1	13
«Это небо медленного цвета...»	14
«Земные праздники с их драным...»	15
Это как будто	16
Выставка костюма	17
В самом деле	18
Из глубины	19
Позывной	20
3 октября	21
«Терять всё то, терять всех тех...»	22
Календарное	23
Диптих февраля	24
I	24
II	24
Апрельские рифмы	26
Прощание с Великой Княгиней 3	27
Парафраз на тютчевскую тему	28
Народные артисты	29
Прошлый сон	30
Юрию Кобрину, поэту и портрету	31
Музей романтической жизни	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Радашкевич Земные праздники

Александр Павлович Радашкевич – поэт, эссеист, переводчик. Родился в 1950 г. в Оренбурге в семье офицера, вырос в Уфе. В 70-е жил и работал в Ленинграде. В СССР не печатался, доверяя перв. поэтич. опыты известному литературоведу и переводчице Н. Я. Рыковой, которая, по признанию самого Р., сыграла в его судьбе очень важную роль.

Эмигрировал в США в 1978. Работал в библиотеке Йельского ун-та (Нью-Хейвен), сотрудничая с эстонским поэтом и искусствоведом Алексисом Раннитом. В 1983 переехал в Париж, где работал в старейшем эмигрантском еженедельнике «Русская мысль», поддерживая лит. и дружеские связи с И. В. Одоевцевой, К. Д. Померанцевым, З. А. Шаховской и поэтами «третьей волны» – Б. Кенжеевым, Н. Горбаневской, Ю. Кублановским. Одоевцева диктовала Р. перв. главы своей незаконченной кн. «На берегах Леты», которая должна была стать заключительной частью трилогии вслед за мемуарами «На берегах Невы» и «На берегах Сены».

В 1991–97 Р. был личным секретарем Великого князя Владимира Кирилловича и его семьи, которую сопровождал во время более чем тридцати визитов по России, а также Грузии, Украине и европейским странам.

С кон. 70-х стихи, рецензии, статьи и переводы Р. широко печатались в эмигрантской периодике, а с 1989, начиная с публикации Мих. Дудина в ж. «Звезда», – и на родине. С первых же публикаций искушенным читателям стало ясно, что на поэтич. небосклоне зажглась ярчайшая звезда, а лит. критики признали, что в русской поэзии появился настоящий мастер самостоятельного, авторского свободного стиха.

В 1986 в Нью-Йорке вышел перв. стих. сб. Р. «Шпалера». «Смещая границы стихоразделов, упрятывая рифмы в разные места строки, применяя несовпадение синтаксической и ритмической паузы во много раз чаще, чем это принято как выделяющий прием, поэт создает не верлибр, но «русский верлибр» – штука, мало кому удававшаяся», – писала в послесловии к сб. Н. Горбаневская. В статье о стих., вошедших во второй сб. Р. «Оный день» (СПб., 1997), Г. Погожева отметила, что «форма для этого поэта не самоцель, и то и дело эту свободно льющуюся речь кладет на музыку ни на минуту не покидающая его гармония». Автор послесловия

к третьей кн. стихов Р. «Последний снег» (СПб.–Париж, 2003) Б. Кенжеев подчеркивает: «Я рад приветствовать едва ли не единственного русского поэта, которому удалось отказаться от классических оков – но сохранить и приумножить лирическую страсть». О сб. «Ветер созерцаний» (СПб., 2008) В. Вебер писал, что «читая Радашкевича, совершенно забываешь о размере и рифмах... тексты [у него] производят впечатление завершенности, это всегда пьеса, имеющая начало, кульминацию и финал... и везде есть отсылка к реалии, позволяющая размотать ассоциативную цепь, прочесть символику, то есть понять поэтическую мысль». Достоинства и своеобразие поэтики Р. охарактеризовал Д. Давыдов: «Будучи идеологически скорее консерватором, Александр Радашкевич понимает этот консерватизм не как автоматическое воспроизведение канона, но как своего рода «приключение» в прошлом, осознание истории как стилистического явления. Ажурные конструкции Радашкевича (порой неожиданно близкие – скорее типологически – к опытам Ферганской школы) тяготеют то к деформированной силлабо-тонике, то к свободному стиху, то к столь редкой в новейшей отечественной поэзии попытке возрождения силлабического стиха. В стихотворениях Радашкевича анжамбеман становится одним из основных приемов: поэтическое сообщение, подчас нарративное или риторическое, оказывается внутренне расчлененным, что создает особую форму поэтического острашения сказанного».

Сам Р. определяет свой стиль как «интуитивный верлибр» и считает, что «верлибр требует еще большей организации, чем рифмованный стих» и что «искусство без ограничений, без рамок существовать не может. Чем сильнее напряжение, тем дальше и выше летит выпущенная на волю стрела».

При всем разнообразии тематики поэзии Р. в ней существует мощный сквозной мотив – образ Петербурга, о котором автор говорит: «Это моя духовная родина. Это моя Атлантида. Я всегда душой туда возвращаюсь – и во снах, и наяву». Тема любимого города является трагическим и счастливым рефреном творчества Р.: «А ты уже совсем не мой, мой / град упругого блаженства...», «из тьмы чужбин я выхожу к Неве, / где финский ветер трогает губами / свирели выпуклых мостов», «Ты снова по душе /и не по силам снова, бессмертник / каменный, заплаканной душе», «за Петербург седой души, / как чайку на плече, / пока я жив, пока я мёртв / в когда и в никогда, / за стаю ангелов немых / в колоннах и крестах».

В целом Р. привнес в современную русскую поэзию элитарные черты, звучание «хрустального клавесина» – естественный изыск, утонченную иронию, элегантную просвещенность, которые, в сочетании со склонностью автора к стилистическим и смысловым парадоксам, к образным перевертышам, оригинальному ритмич. рисунку, представляют собой лит. явление, кот. на сегодняшний день по праву можно назвать «стилем Радашкевича».

В 2009 в СПб. издан во многом биографич. роман Р. «Лис, или Инферно», о кот. автор сказал, что это «проза поэта» и что в нем «практически нет ничего выдуманного, и события тоже реальные, но персонажи из моей и не моей биографии немного перемешаны, как карты в колоде».

Р. – автор поэтич. и прозаич. переводов с английского, французского и эстонского яз. произведений Дж. Хаббэла, Дж. Болдуина, М. Юрсенар, А. Ран-нита и др. Публикуя перевод романа Болдуина «Комната Джованни», редакция «Зарубежных записок» (Мюнхен, 2005, № 2) предварила его словами: «Новый перевод, выполненный замечательным поэтом и переводчиком Александром Радашкевичем... обладает множеством литературных достоинств, вытекающих из масштаба и характера дарования переводчика, в совершенстве владеющего английским и французским языками, не говоря – блистательным русским. Мы горды выпавшей нам честью впервые познакомить читателя со знаменитым романом в новом переводе».

В 1994 Р. основал при петербургском изд-ве «Лики России» лит.-историч. серию «Белый орел».

Р. – член Союза российских писателей и Союза писателей XXI века, официальный представитель Международной Федерации русскоязычных писателей во Франции, участник фестивалей поэзии в России, Грузии, Англии, Германии, Бельгии, Индии и др.

Живет в Париже.

Н. Зардалишвили

Энциклопедия «Литературный Санкт-Петербург. XX век»

Сказка жизни

Волошину

Как спится вам, львиноголовый
Макс, в нагорной той могиле,
качаемой, как зыбка, астральными
скрипучими ветрами под смуглым
солнцем, ласкающим хрестоматийно
Киммерии полынные холмы?
Икону моря облепил кишащий пьяно
плебс, и под немой луною лупанарий
ревёт и день и ночь, и отползают
мшистые драконы гор в своё
ничто достойно.

Как вам не спится, глядя на ваш
корабль-дом и профиль, ваянный
античными ветрами из вулкана?
Как не живётся в слепых лунариях
бессмертья над бухтой жизни
лупоглазой? Вы – *только гроб,*
в котором тело бога погребено.
Сквозь колкие миры любви, как
те неверные кометы, вели меня
вы с юности за *руку* с улыбкой
чающих богов.

Шипит на сковородке барабулька,
и горько реет дикий гусь над понтом,
и грудой мятых тел побрезгают
большие шоколадницы, роняя
самоцветную пыльцу, и вас никто
не видит здесь: *изгнанники,*
скитальцы и поэты вновь венчаны
мерцающим венцом, и алчущий
Алкей сих радужных краёв рисует
на полуночной волне к луне
змеящиеся тропы.

За соль дорог, за хлеб пустых
надежд и ветер акварельный на
плече, за парус рваный, латанный,
холщовый, за прах на стоптанных
котурнах и сирый плащ ветров,
за *боль внежизненных обид* ночами

спасибо вам, мой раненый пророк
в лавандовом венке на синих
лунных льнах, где кристальной
пылью вселенных обрастает
corona astralis.

IX. 2008. Коктебель

Элегия холмов

И в первый день остатка нашей жизни, вкушая жирную прощальную черешню бургундских аховых холмов и к континентам-облакам душой измятой припадая, я праздновал за ласточками был, над ней, как жаворонок, зависая и трепеща подобьем острых крыл над окоём громкой тишины, где дверца снов захлопнется за нами и лысый прокричит петух, что, мол, пора запить чесночную головку шампанскими шипучими глотками, как юный дедушка Кола Брюньон, ваяющий над явью облака, и увести легавую сквозь звон обветренного утра и вязь волнистых троп туда, где в первый день остатка нашей жизни мы, упавая лбами в окоём подоблачных метаний и зевот, захлопнем за собой сквозную дверцу снов, открыв, что нет ни в прежде, ни в потом, того, что смотрит в душу ныне, не видя в ней, как в небе, ничего, – лишь синь да ласточек, целующих грядущие дожди, лишь облаков простёртые холмы, повёрнутые к нам сиятельной подошвой, как сотни зимних лет назад, как в лета наших зим, как в первый день остатка нашей жизни.

2008

Сказка жизни

Сказку, написать золотую сказку
о кольце, мандрагоре и гроте,
о ветрах в сикоморовой роще и о
мшистом трёхбашенном замке,
где на троне, в короне из замши,
почивает с открытым глазом
половинка зелёной змеи, истекая
смагдаговой кровью, о заблудшем
охотнике-принце в опрокинутом
взгляде лани, – написать и пустить
по миру сто печалей в смертельном
вальсе и надежды лазоревый ключик,
поржавелый и ломкий, как пряник,
подложить под подушку неспящим,
как в цветные слова букварей.

Вознести в поднебесие башни,
заживляя, как братья и сёстры,
в них астральные рваные раны,
плюхнуть снеди всем карлам
и карлицам, ковыряющим вилкой
в зубах, словно критикам – пряные
«измы». Сказку, поминать золотую
сказку, как хромые собаки, как
старые кошки на обочине стёртых
дорог... Только лучше её нам
с тобою от пространного «жили-были»
до финального «в рот не попало»,
спотыкаясь на каждом камне,
только лучше её нам, такую-сякую,
золотую, вживую прожить.

2008

Пустынник

Ни жало жизни, ни кресты,
цепляющие даром за пустоту
пустот, ни гефсиманская
громадная тоска, ни нечто
замышляющие тени, что
шарят по тупым углам, ни
глыбы мраморные облаков,
ни стёртые слова, ни сны
мирские, ни предрассветные,
когда нам снится детство,
уж не мешали отшельнику
глядеть в святое небо ранних
вечеров в скиту забвенном и
немом, куда никто по воле
или оной против не доходил
годами по кромке пропасти,
тропой петлистою, звериной.

Так жил бесхитростно, не зная
тоскования в глазах и думами
чела не морща, читать от века
вовсе не умея ни святцев, ни
псалтыри, не зная молвить
«Отче наш», и лишь, бывало,
твердил на ветер: «Господи,
я – твой, ты – мой». И больше
ничего. И никого там больше.
«Я – твой, ты – мой». А душу
как сомлевшую отдал, так на
могилке взошло ветвистое
седое деревцо, сокрывшее
её крылатой тенью, и на
листочке, на каждом маятном и
малом, «я – твой, ты – мой»
читалось всякому и никому.

2008

Гравюры Колокольцева ¹

Спать под гравюрою «Не спится», как
в запертой утраченным ключом шкатулке,
и просыпаться в «00 часов 00 минут»
под «Снег пошёл» и знать, что в Сашино
опять хороший день, что рак гуляет
«На Обводном» и жаба стынет хладнодушно
«На свежей могиле любви», что «Дурочка»
всё скачет над бездвижною скакалкой,
свернув мордашку деревянную в его
«Ночные натюрморты», а сестрорецкий
сумрачный петух зажал в орлином клюве
то зёрнышко, которое круглее жизни и смерти
костенеющей круглей, которое ему
ни выронить, ни проглотить, пока сливаются
в любви рогатые улитки и попугай сжимает
в лапе умолкшие часы, без стрелок, на цепи,
а бабочки «На островах» топорщат драгоценно
атласные рисованные крылья над лодочником
в крошечной дали, пока гнивают яблоки
и оплывают млечно вековые свечи, пока
Венеция наводит над окрестною вселенной
фатальные горбатые мосты и башни рушатся
бесшумно, пока мы спим приبلудную судьбу
под лесом тонких рамок железных, – ему
уже «Не спится» в «00 часов 00 минут», и
жирные тигровые коты из «Одиночества» его
по крышам лунным скользким петербургским
несут сквозь стылую гравюру «Я тут был»
туда, где Сашино, а в Сашино – ловитва,
синева, сверкает облачно «Последний снег»
и дальний храм пророс худыми деревцами,
а в Сашино всегда хороший день, гравюрный,
и «Ночь улиток» в Сашино всегда.

2008

¹ Художник Александр Колокольцев (1954 – 1993).

«Это небо медленного цвета...»

Это небо медленного цвета
водит *за* нос в поле
корабли.
На неравные части
где-то взрывы рвут людей,
где-то горлышко
бутылей отбивают наотмашь
саблей и шампанское
льётся до слёз.
Может, зря мы сюда
угодили, но не зря мы
отсюда ушли
белым шагом, восвояси,
узкой улочкой стоптанных
душ.
Каменеют веки поколений,
тех, которым свистят
вослед,
обрастают вселенской пылью
книги книг, те, что учат
чему-то разве тех,
кто их написал.
Мы вмерзаем в глыбы
стылых дней, и кому-то
нравится подглядывать
за осуждёнными на
пожизненное заключение
в оловянный глазок
луны,
и конечно, всегда
ни при чём
это ясное до тла
небо медленного цвета,
где в подлунных ковылях
за заблудшими
верблюдами убывают
корабли.

2009

«Земные праздники с их драным...»

Земные праздники с их драным
хвостом похмельных буден, что
тянется по лужам мятых судеб в папье-
маше гниющих конфетти.

Земные ели, что оголяются на
праздничных помойках среди
осклизло-чёрных шпрот и шкурок
апельсинных, и лица
встречных наизнанку, и взглядов
рваных серпантин. О Боже, как
же неохота считать и чувствовать
чужие январь!

Земные праздники – парад развоплощений
с их хохотом-рыданьем,
и те же вопли радостей отвратных,
и те же надписи на
пламенной стене. Земные праздники
в их первом свете, они, как талые и
прошленькие мы, с сокровищницей
ёлочных игрушек
в запретном ящике – давно раскрыты,
вынуты, разбиты, и лишь над мартом
грязных февралей, над городами
бодро зримых снов и
мнимых пробуждений с набрякших
крыш непавшая капель стеклянно
плачет утром о своём отнюдь не
прошлогоднем снеге.

2009

Это как будто

Грузия – это как будто ты уже
умер иль не рождался ещё.
Колхидская холёная волна
ходит нагими ночами во мне.
О Сакартвело, что нас привело
и уложило в рассветное море
и в бирюзовом гамаке между
гравюрными соснами под
проплывающей бережно
чайкой, что колетса на две?
Что водит пса слепого, как
Гомера, безлюдными песками
в час разлук? И сдохнет ли
у пыльных стоп седого Одиссея?
Куда глядит весь день, как
бледный монолит, недвижная
корова чёрным взором?
В старом небе, нечаянно-
чающем, тот несказуемый
облачный бог, что водит
толстым пальцем Пиросмани.
И я целую праведное море
прощальными губами, как
дитя, которое не ведало доднесь
ни встреч, ни расставаний.
О Сакартвело, что нас
увело из мира сопредельных
снов без сна и без оглядки?
И я гляжу в незнаемое море
с премудрою бурёнкой, не мигая.
Грузия – это как будто было,
что будет: ты ещё умер
иль не рождался уже.

VI. 2009

Выставка костюма

Детские костюмчики Александра Первого, кафтан, камзол, брильянтовые пуговицы. Вовсю ещё жива августейшая бабка всевластная, хоть о Ланском, истомном и младом, печалится вседневно...
А вот и стройный редингот карминового бархата: уже сосватали с Луизой Баден-Баденской, то бишь с Елизаветой. «Амур и Псиша» звали их за юную, как в раадизе, красоту... Марии Фёдоровны розовые фижмы и вышитый корсаж с планшеткой, и веет Павловском, и далеко ещё, как сон, царубийство курносого и взбалмошного Павла... Эгреты-портбукеты Елисаветы, Петра Великого, Отца Отечества, пустые панталоны...
«О, сделайте мне полы так, чтобы, когда я вхожу в карету, они стояли, как панье у дам». А ветер версальский гудит по куртинам, бьют вкривь и вкось замшелые фонтаны, нагие статуи озябли по боскетам, где мраморные листики венков дрожат от каменных ветров сквозящими веками, взлетают парики и перья над плащом и отлипают тафтяные мушки от пудры и румян. Но король, как известно, он гуляет в любую погоду, похоронив дофина, внуков и детей, – мимо долгих шпалер и курчавых грильяжей, мимо дутых барочных лет, вплоть до каталки, вплоть до гангрены: уйти за воздух, зайти за ветер, волнуя прану, роняя злато, срывая пену земных костюмов...

2009. Версаль

В самом деле

В самом деле, лучше бы
спиться на безбожном
Московском вокзале, зная,
что он Николаевский,
иль на Витебском, помня,
что он Царскосельский,
плача от ветра и едких поездов,
скользящих в навсегда
мимо вокзальной заплёванной
швали, воздвигая руины судеб
по двум оброненным словам
и заедая жгучую гадость
вчерашним беляшом аль
пирожком с варением надежды,
наблюдая обратные телодвижения
тех, кто тревожен
железнодорожно, прощаясь
в дождик с распоследним
другом, хромым блохатым
кобельком, везомым мимо,
на живодёрню, из края встреч
и расставаний, где никогда
ничего никому не сберечь
из того, что чего-то стоит.
В самом деле, лучше бы
спиться, пусть на Финляндском,
пусть на Балтийском,
не наблюдая табель запретов,
не мостясь в любезных невозможностях
снедаемой за завтраком тоски, плача
от ветра и мокрых поездов,
отбывающих с пятой платформы
в Невдубстрой со всеми
остановками, простившись
утром с распоследним другом,
шевелиющим обрубком хвоста
в манной каше смердящих
туманов на оставляемом
нами перроне. Но это
легко сказать.

2009

Из глубины

*И поднялся ветер от Господа...
Числ., 11:31*

Из глубины, от праха стёртых мостовых,
из-под холста размытых горизонтов, где
моросит предательская мгла, где красный
змей залёг под красным камнем, а мох
зелёный скрыл зелёной змейки взгляд,
мне возвращается всё то, чего... мне
улыбаются все те, кого... *Священный
и страшный и благословенный лес.*

Каскадом радужным на рубежах немого
лета мне возвращаются лета над
подоконником, у форточки, куда втекает
ветерок зазвёздный, и ожидание себя
из шороха обугленных минут, из
плаванья за раму синих вздохов...
*Видевший бесконечное не потеряется
в конечном. Ибо нет бесконечного леса.*

Мне возвращаются из взора паруса –
из глубины, из прорвы, de profundis,
по волнам тополиного бурана те
мушкетёры в лазурных реющих плащах
домчат туда, где ало он пламенеет,
«Ангел последний», прилаженный
рукой родною на отрывном календаре...
И шорох переползёт тропу твою.

*Всё понятное непонятно. И всё объяснённое
необъяснимо.* Из глубины, под шапито
провислых горизонтов, за шёпотом
стирающих дождей он расцветёт, тот цвет
долинный, над подоконником – из праха
тишины, у форточки, куда втекает...
*Так задумывай просто. Ибо всё просто.
Всё прекрасно прекрасномысленное.*

Говорил это Рерих. Примите.

2009

Позывной

Осень завесила все зеркала и налила
простоквашею дали. *Брат, столько лет*
сопутствовавший мне, ты укутался
в небо, как в детстве, не забыв
подоткнуть под бока и под плечи,
в тех обещанных антикраях, где ни-ни:
ни болезни тебе, ни печали и ни
воздыхания.

Молчит обманутый эфир
на частоте развоплощений, паяльник
с ручкой голубой не плавит под лампой
канифоль с коротеньким дымком
над полувековым гроссбухом аккуратно
отмеченных почерком умницы
связей эфирно-посюсторонних,
и ты ушёл,
куда мы все идём, любимый
радиолобитель и щукой пахнувший
рыбак, а мы вещаем, мы всё вещаем, себе
не веря, на тех частотах, окоченевших
над черно-бурым обрывом ямы:
у-ве-девять-ве-эм! у-ве-девять-ве-эм!
Валерик! у-ве-девять-ве-эм!
Приём...

2009. Уфа

Курсивом – из Тютчева.

3 октября

Буксуют шины и юлят в кладбищенской грязи,
и липнет она с травой пожухшей на подошвы.
«Memento mori»² орёт дебелия ворона на дальнем
свеженьком кресте, и хлеб крадут у хладных
постояльцев увёртливые кошки, переворачивая
рюмки, и не внушает тени смысла то, что питало
смысла тень. Так помоги поверить, братик,
что это мы, что это с нами, что так и
должно было быть.

А этот мир, что мы вовсю любили, он к нам
кромешно равнодушен. Как вор, как шлюха, он
никогда нас не любил, и осени безмолвье золотое
нас учит больше спать, нас учит меньше жить.
Густые сны торят дороги, и лунных вод отлив
лавинный несёт в глухие небеса, а звёздочка
в календаре ещё кому-то никому из никогда
напоминает: поздравить брата
с днём рожденья.

А ты уж небо, а ты уж берег и ветер в облаках,
и птица на ветру, а ты уж белая
молитва из детских
чаяний Христа.

2009

² *Помни, что умрёшь (лат.).*

«Терять всё то, терять всех тех...»

Терять всё то, терять всех тех
ударит сырый час, и нет тогда
слабее, сильных, нас и нет
безбожнее с бескрылой птицей
имени на стынущих устах и
небом, рухнувшим на глиняные
плечи. Не верю. Не хочу. Пусти
меня в назад, где живо всё, где
живы все и нет нужды в побасенках
надежды. Но эти зимы больше
не пройдут, не стает лёд с побегов
вешних, лишь звоны хладнодушных
звёзд напомнят ангелам, как мы
любили в пустой канве тех
сказок безнадежных, что нас не
научили терять всех тех, терять
всё то, кого-чего, чему-кому,
о ком-о чём теперь уж ни к чему.

2009

Календарное

*Привычка свыше нам дана:
Замена счастью она.*

Пушкин

По уходящей в иное привычке заполняю календарик на год, о котором известно, что он настал вчера: дни рождения – колкие звёздочки, другие – крестики недоуменные, как и положено в генеалогии... А в этом небе разъянварском всё гуще крестиков хрустящих, всё меньше наших зябких звёзд. И что за номер – две тыщи десять, и что за век – двадцать один? Я ничего о них не знаю, они, увы, не вспомнили меня. Летят и лгут зелёные снега в чужом окне внекалендарно, в сиренях рвутся соловьи, столь склонные к инфаркту, дорогу пеплом стелет осень, смывает лес июльский ветер, набухли в водорослях степи, ушли в песок и глину города.

Пролетая вслед за ланью через речку Лимпопо, с новым годом номер ноль поимённо поздравляю, заполняя тощий календарик на послезавтрашние позавчера, на все века, что канули в грядущем в этом худом и нечаянном мире, меж явью снов и снами яви, где пахнет звёздами, тоской вещей, земляникой и крепким чаем, пока не сбудется речённое иль не забудется пока по восходящей в пустое привычке, что свыше нам, конечно же, дана. Несомненно лишь одно, прошлогоднейших снегов никомуненужность, и стелется за облачком почившая мечта, как тот старинный хор про скуку, нежность, лето, урожай и ниначтонепохожесть.

2010

Диптих февраля

I

Из пустоты я извлекаю себя, вставляя
нехотя в подрамник утра,
в порожний полдень и вечер, тающий
в теснинах покойной ночи.
Как все, бестрепетно я утекаю сквозь
собственные пальцы
в песок или в снег, и дышит мне в затылок
безбрежное-безбожное-
безглазое ничто из полости развоплощений,
и след бы чем-нибудь
забыться, да жаль, не вспомнить ничего,
да жаль, не жаль уж
никого. Ах, полноте, пустое... Тогда я
за руку беру себя
и вывожу прилежно жить, укладываю
спать и кофею опять
пою в положенный неверный час, когда
целуют в губы пустоту
и улыбаются, уставившись куда-то, чему
неведомо, неведомо кому.

II

*Какая боль и грусть – в надежде
Ещё одну весну узнать!*

Бунин

Я иду февральскими снегами
по обратным невзрослым
следам. Я читаю неспешный
роман о великой истлевшей
певице, посетившей в карете
возврата сей в беспмятство
втопанный мир. Скоро будет
весна, скоро будет всегда, и
голодный тот лебедь на Эльбе
вынет вовремя лирную выю
из опрокинутой в небо воды,
и расплывутся по заводям

утки тихими парами, оборвав
нищий гвалт под кряжистыми
зимними мостами. А пока
февральскими снегами я бреду
по обратным следам и читаю
невзрослую книгу о том,
чего, о том, кого,
о том, во что –
увы и ах.

2010

Апрельские рифмы

Немного медленной весны во изголовие.
Лохматых птиц слепой полёт и
приводнение.
Немного ветра и волны, как послесловия.

Земля срывается в глазах,
синее пение.
Я принимаю ту игру, но
при условии.

Сверни за мной в последний сад,
в стихотворение,
в аркады голых колоннад, где снов
биение.

Немного медленной волны во изголовие.
Забывших лиц недвижный лёт и
приземление.
Немного ветра и весны, как предисловия.

2010

Прощание с Великой Княгиней³

О, я совсем не Ломоносов, чтоб
восславлять порфиноносные рожденья
и преставления державнейшие в Бозе
оплакивать: не возрыдают боле россы,
и вызолоченный орле не вырвет на груди
единого пера. Всё в прошлом, и пора,
как вы за завтраком однажды уронили,
«пора закрывать эту лавочку», гнать
обожателей-предателей, доброжелателей-врагов,
и умников, и дураков давно пора,
как вы это бестрепетно умели. До свидания,
Ваше Высочество, в той стране,
где свидания час.
И не звонит будильник заведённый,
и снится, что пора, что у подъезда
лимузины и тихая толпа, перед
домашними иконами ещё молчит,
в плаще, Великий князь, и стелется
упрямо та дорога, дорога
в августейший
Петербург.

24. V. 2010

³ Великая княгиня Леонида Георгиевна (1914 – 2010).

Парафраз на тютчевскую тему

Окно в окне и сизый дождь
по крыше, да небо рваное Парижа.
Сижу задумчив и один. Ни ожидания
тебе, ни сожаленья, ни даже тени
прошлых вздохов. *Пройдёт оно,
как всё прошло.* Смеются на ночь
призраки соседей, а в полдень плачут
их заводные канарейки. На лестнице
курят прилежно подростки, играя
в грязные слова. *Что ж негодует
человек, сей знак земной?* И всё равно,
что жизнь изжита, и чрез черствеющую
грудь небожно капают минутные часы,
и ходит едкий дым над милым
пепелищем. *Былое – было ли когда?
Что ныне – будет ли всегда?..*
Я вышел на обратную долину, неся
в глазах зеркальные холмы, окно
в окне да сизый дождь по крыше
под рваным небом мёртвых
городов. *И снова будет всё, что
есть,* и онемень вдохновенья,
и вещей тухнувший камин, и то,
пошто так нежно снилось
проливное, молодое, растакое что-
нибудь. И всё сокроет снег седой,
и всё сотрут пески, *но ты,
мой бедный, бледный
цвет...*

2010

Народные артисты

Они уходят, они уходят косяками, те,
певшие своими голосами и голосищами,
по-русски, без полуголой свистопляски и
негритянских барабанов, они уходят от
страны, где быдло-музыка зачислила их
в ретро, где жизнь считается деньгами,
а дар – разменной монетой. Не надо их
жалеть, не надо: они давно уж задыхались
меж рыб немых с разинутыми ртами
у подлю отключённых
микрофонов.

Они держались нашей болью: они же
знали, что вместе с ними нежданной
зимою мы простимся и с родиной, и
с первую любовью. Народные артисты,
чьи диво-голоса последнею мечтой
наполнили захлопнутое небо, они теперь
уходят густыми косяками в страну иной
весны, откуда все мы, наверно, родом.
Народные артисты нашей родины,
простите и прощайте. Пусто в мире.
Мы вас по-старому,
по-доброму
любили.

2010

Прошлый сон

Я чувствую облегчение от бремени настоящего, которое, как свинец, лежит на сердце.

К. Батюшков

Потоп великих вод в безлюдном городе,
похоже, в первопрестольной, остался лишь облытый
островок, где мы с мамой и бабушкой, но я их
совсем не знаю.

А волны вздуваются вкруг, серо-зелёные и
айвазовские, и напозают, но мне не страшно,
я наблюдаю.

Бабуся зачем-то подходит прямо к круглому краю.
Кричу, не обернулась. А справа две верхушки:
витая, с крестом, того самого храма и чего-то ещё,
ни на что не похожего.

Хляби стремительно всё сокрывают, и я уже
один. Доплываю до близкой фанерной башенки,
последней над водой,
карабкаюсь, вставляя босые и скользкие ноги
в дыры-окошки, смотрю на безмолвные вздутые
волны, атласные, серо-зелёные, и не удивляюсь,
что не страшусь,

и – выплываю

из света

СНОВ

...

2010

Юрию Кобрину, поэту и портрету

Когда отликает несущая на фиг и сушая
волна, риторика, о да, трезва и норовиста,
но ждёшь доверчиво, что из-за стёртого,
обмызганного бесами угла, из-за себя, из-за
меня, объявится повеса и поэт, остатнее же
облетит, как ветошь вчерашних раздумий.
С шейным платком, в мокалинах гусиных,
бритьёю опасною бритвой Тарковского –
он, элегантно-безысходный, шагнёт со своего
портрета, прикуривая эфемерно на заднике
поздней сирени, которая пахнет разлукой.

Лифляндия, Курляндия, Русляндия –
обид не счесть, подмен не перемерить,
и плещут волны умной нелюбви, и что-то
из штанин упорно достаёт наш непростой
советский человек в пятнистой кепке
демократа из очень дорогого second-hand.

А с Юрою, кто с ним не любит беззвучно
отхлебнуть позднебарочного кофе, скажем,
на *Замковой* улочке? Но какое же было б
блаженство скушать с ним в непроглядном
когда-то, крякнув, живительной водочки,
видя в опрокинутом окне перламутровый
дождик времени, отзанавесивший небо и
душу. Самый литовский из русских или же
самый наоборот, нас подружила нечаянно
Грузия – бредом поэтов, ветром Гомера
в чающем взоре колхидских коров.

2011

Музей романтической жизни

*Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...*

Пушкин

Незаведённые часы и недописанный роман,
как жемчуг бархатной горжетки, как чьи-то
завитки в хрустальных медальонах, клочок
обоев млечно-голубых, где тучный ангел
с факелом дымящим, пейзаж руки великой
Малибран и слепок шопеновских тающих
пальцев под толстенным музейным стеклом,
за коим облака и тёмные огни дрейфуют
в оливковом взоре Жорж Санд, по
адресу 16, рю Шапталь.

За арками из возлетающих крон курчавый
затылок королевы Гортензии в савойском
Экс-ле-Бене, глядящей с мёртвым пуделем
в амфитеатр синих грёз и отболевших далей,
за раму в раме преданного сада, где крупы
идиллических коров и дамы, подобные
мраморным музам, и, может быть, закатный
променад в розарии влюблённой Жозефины,
в элизии всех статуй и колонн, по
адресу, что ветер нашептал.

Тут бюст усопшего младенца под стражей
кипарисов и мать, что сетует, вживаясь
в замершую жизнь и сладости печали: «мы
свидимся», и ей кивает бюст, кипят немые
небеса под байронической луной, а лестница
сужается и ввинчивает нас, как в первую любовь,
в непревзойдённые часы и недопрожитый
роман, в пейзаж руки великой Малибран,
в святые сны старинного обмана, по
адресу 16, рю Шапталь.

18. III. 2011. Париж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.